

Т.В. Черникова

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РОССИИ ВРЕМЕН ЦАРСТВОВАНИЯ ФЁДОРА ИОАННОВИЧА

Аннотация. Статья посвящена реконструкции секретных династических планов, которые стали появляться в России после смерти царя Ивана IV Грозного и вступления на престол его сына Фёдора. К этому времени Россия уже вступила в системный кризис, частью которого являлась угроза династического кризиса ввиду отсутствия у нового монарха детей. Политическая элита была расколота на ряд придворных «партий», между которыми велась острая борьба. Однако при этом все «партии» видели нарастающую неустойчивость социально-экономического, политического и внешнеполитического положения России и пытались найти пути выхода страны из кризиса. В отличие от стран Западной Европы в России, сформировавшейся в рамках вотчинного социокультурного уклада, пресечение правящей династии могло привести (и впоследствии привело) к настоящей общественно-политической катастрофе. Поэтому каждая придворная «партия» пыталась выработать свой план выхода из династического кризиса. Выявление этих планов, чаще всего тайных (и даже порой за отсутствием ясности в источниках гипотетических), рассматривается в статье.

Прежде всего обращено внимание на планы и действия Бориса Годунова. Приходясь братом царице Ирине, супруге Фёдора Иоанновича, Борис Годунов быстро наращивал свое влияние во внешней и внутренней политике и к концу царствования Фёдора I (1584–1598) превратился в фактического правителя России. Однако это произошло не сразу. Поэтому следует проанализировать и династические проекты «партии» его антиподов – бояр-княжат. Тем более что часть их проектов имела целью отстранение от власти именно Бориса Годунова.

Из-за особенностей источниковой базы (запись слухов, курсировавших в России и за ее пределами, отраженных в основном в записках иностранцев) возможно лишь предполагать существование реконструированных секретных проектов. Также в статье затронуты внешнеполитические интересы России, которые так или иначе проявлялись в ходе разработки тайных и явных династических проектов конца XVI в.

Ключевые слова: династические проекты; Фёдор Иоаннович; Борис Годунов; Мстиславские; Шуйские; Габсбурги; Стефан Баторий.

**Черникова Татьяна Васильевна – доктор исторических наук,
профессор кафедры всемирной и отечественной истории**

Московского государственного института
международных отношений МИД России (МГИМО),
Россия, Москва. E-mail: tchernikova1961@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-6517-2020

T.V. Chernikova. International Dynastic Projects in Russia During the Reign of Fyodor Ioannovich

***Abstract.** The article provides a reconstruction of secret dynastic plans that began to appear in Russia after the death of Tsar Ivan IV the Terrible and the accession of his son Fyodor to the throne. By that time, Russia had already entered a systemic crisis, part of which was the threat of a dynastic crisis stemming from the fact that the new monarch did not have children of his own. The political elite was torn apart by a number of court «parties», fiercely opposing each other. However, all these «parties» clearly saw the growing instability of socio-economic, political and foreign policy situation in Russia and tried to find ways of overcoming the crisis. In contrast with the countries of Western Europe, in Russia, which was formed within the framework of the patrimonial socio-cultural order, the cessation of the ruling dynasty could have led (and subsequently did lead) to a real socio-political catastrophe. Therefore, each court «party» strove to develop their own plan for overcoming the dynastic crisis. The identification of these plans, most often secret (and even sometimes hypothetical due to the lack of certainty in the sources) is the focus of attention in the article.*

First of all, the author looks at the plans and actions of Boris Godunov. Being the brother of Queen Irina, the wife of Fyodor Ioannovich, Boris Godunov quickly increased his influence in foreign and domestic policy, and by the end of Fyodor's I reign (1584–1598) had become an actual ruler of Russia. But this did not come easily. Therefore, it is necessary to analyze the dynastic projects of the opponents of his «party», those of boyars-kniageats (the aristocrats are the descendants of the princes). Some of their projects were even aimed at removing Boris Godunov from power.

Due to the nature of sources (those mostly being recorded rumors that circulated in Russia and abroad and were incorporated in the foreigners' «Notes») what is now possible is only reconstruct the secret projects. The article also touches upon Russia's foreign policy interests, which somehow manifested themselves during the development of secret and explicit dynastic projects of the late 16th century.

Keywords: *dynastic projects; Fyodor Ioannovich; Boris Godunov; Mstislavskie; Shuiskie; Habsburg; Stefan Batory.*

**Chernikova Tatiana Vasil'evna – Doctor of Historical Sciences,
Professor of Department of World and National History
at MGIMO-University, Russia, Moscow.
E-mail: echernikova1961@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-6517-2020**

Смутное время в России – трагическая и во многом поворотная эпоха отечественной истории. Если понимать Смуту как первый системный кризис

Московского государства¹, принявший после стихийных бедствий и голода 1601–1603 гг. форму гражданской войны, отягощенной иностранным вмешательством, то хронология Смуты включает время от кончины Ивана Грозного в 1584 г. до завершения интервенции, а точнее, войн России с двумя соседними державами – Речью Посполитой (боевые действия 1609–1618 гг.) и Швецией (оккупация Новгородчины, походы на Псков 1610–1617 гг.).

Самым благоприятным периодом оказалось царствование государя-богомольца Фёдора Иоанновича (1684–1698), когда трудами его шурина Бориса Годунова вырисовывалась перспектива выхода из системного кризиса. Определенную роль в поисках стабилизации системы верховной власти и международного положения России, просевшего в результате проигранной Ливонской войны, сыграли тайные и явные планы создания династических союзов с западными монархическими фамилиями. Реконструкции таких проектов будет посвящена наша статья. Мы попытаемся уйти от привычных для отечественной исторической традиции стереотипов, в частности от чисто негативной оценки планов оппонентов Годунова – придворной «партии» бояр-княжат.

Стоит заметить, что проекты матримониальных союзов времен царствования Фёдора Иоанновича стали прологом для куда более проработанных и частично даже осуществленных других международных проектов Смутного времени.

Гипотетический проект личной унии с Речью Посполитой партии «земских бояр»

В марте 1584 г. на русский престол вступил второй сын Ивана Грозного Фёдор. Слабое здоровье нового царя, а главное – особенности его личности (еще отец пенял Федору, что он больше похож на поповского сына нежели на царского) требовали регентства. По завещанию Ивана Грозного, как предполагает большинство историков, такую опеку должен был осуществлять совет из назначенных Иваном Грозным придворных (И.П. Шуйского, И.Ф. Мстиславского, Н.Р. Захарьина-Юрьева, Б.Ф. Годунова, Б.Я. Бельского). Иван Грозный пытался преодолеть раскол придворной элиты, включив в опекунский совет и земских, и дворских (бывших опричниками) бояр. Но механическое соединение вождей враждующих «партий», конечно, было обречено.

1. Под системным кризисом мы понимаем кризисы хозяйства страны: социальный, политический, династический, моральный и внешнеполитический. Каждая из составных частей системного кризиса имела свою логику развития, была осознаваема современниками в большей или меньшей степени. К примеру, долгое время династический кризис воспринимался в качестве основной причины бедствий не только людьми конца XVI – начала XVII в., но и историками (Н.М. Карамзин, С.Ф. Платонов).

Между боярами-княжатами, нетитулованной московской знатью и выдвинувшимися любимцами Ивана Грозного из провинциальных и менее знатных родов продолжилось противостояние.

Если «худородный» Годунов пытался найти компромисс со знатнейшими, то Богдан Бельский сразу затеял авантюру в пользу царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного. В итоге Бельский, царица Мария Нагая с сыном и родственниками – все оказались в ссылках. Годунов поддержал княжат в этом деле.

Выдвинувшийся из опричной среды Борис Годунов, являясь шурином царя Фёдора, имел неоспоримые преимущества перед Бельским. В силу традиции подъема «по кике» родичей царицы он был весомой фигурой. Но замкнуть на себя все управленческие рычаги Борису удалось не сразу.

Иван Грозный оставил Россию в состоянии крайнего истощения, с распрями между сословиями и внешними потерями после проигранной 25-летней Ливонской войны (1558–1583). Возможная смерть болезненного царя Фёдора Иоанновича, не имевшего детей, грозила усугубить все эти беды династическим кризисом. Для России, как страны с вотчинным социокультурным укладом, это являлось огромной угрозой, ибо разрушалась ось, к которой крепились все идеологические, социально-политические и экономические рычаги управления. Лишаясь «верховного поводыря – природного государя» и не имея опыта самостоятельного политического действия, сословия, крайне атомизированные внутри, вступали в конфликт между собой и внутри себя, что грозило обрушить Россию в хаос.

Политическая элита России интуитивно чувствовала опасность такого развития событий. Все «партии» у трона вынуждены были думать, как от такой перспективы увернуться. И все они, хлебнув в полной мере тирании грозного царя, стремились поставить деспотизму некие ограничения. Горсей, описывая Земский собор 1584 г., назначивший дату коронации царя Фёдора², пишет: «...был собран парламент (parliament), представленный митрополитом, архиепископами, священниками, высшими духовными лицами и всей знатью, какая только была (all the nobility what soever), там решались вопросы, о которых я не могу рассуждать: *все говорило за перемены в правительстве...*» [Горсей 1991, с. 143]. Зарубежный опыт организации власти монарха, будь то соседи и недавние победители России в Ливонской войне – Речь Посполитая и Швеция, торговый партнер Англия или далекие Габсбурги с их

2. В русских источниках фигурируют разные даты коронации – 28 и 31 мая, Горсей говорит о 10 июня 1584 г. Вероятно, он использовал григорианский календарь, где 10 июня соответствовало 31 мая по юлианскому календарю, хотя в Англии перешли на новый календарь позже, чем были написаны записки Горсея.

империей, наводили русское боярство на размышления о реформе института царской власти.

У Годунова в итоге это вылилось в право сословий на Земском соборе выбрать новую династию, которая укрепит старый принцип вотчинного уклада, сделав патернализм формой поддержания сословного компромисса, избегая тех эксцессов, которые публицист XVII в. Юрий Крижанич определил как «людодерство» [Черникова 2018, с. 21]. Один из крупнейших специалистов по истории России рубежа XVI–XVII вв. А.П. Павлов опроверг прежде господствующую концепцию воззрений на Годунова как защитника интересов дворянства и противника боярства [Павлов 1992, с. 232].

Но непримиримость княжат к Годунову носила не только субъективно-психологический характер. В отличие от Годунова бояре-княжата мечтали о реформе института русской монархии через рост влияния Боярской думы на государственный курс и выбор ею монарха при пресечении династии [Pavlov 2006].

Замыслы возможных династических проектов напрямую были связаны с этими различиями. Но не меньшую роль играли личная вражда и карьерные соображения главных действующих лиц.

Польско-литовский вариант привлекал внимание княжат. Несмотря на острое геополитическое соперничество России и Речи Посполитой, этот западный сосед не выглядел таким чужим, как Швеция, Англия или Священная Римская империя германской нации. Во-первых, большую часть населения Речи Посполитой составляло православное западно- и южнорусское население. Во-вторых, Мстиславские, Голицыны и многие другие княжата Гедиминовичи и Рюриковичи были выходцами из Литвы. В-третьих, все воеводы, послужившие у западных рубежей, имели приятелей по ту сторону границы. И наконец, из среды иноземцев на московской службе, перешедших в православие и русское подданство, природные литвины и поляки численно лидировали.

Традиции участия магнатов и шляхты в решении судеб польского и литовского престолов были частью политической культуры польско-литовской личной унии и той «другой Руси», которая находилась внутри нее. При создании Речи Посполитой в 1569 г. были утверждены правила избрания сеймом короля. Смерть Сигизмунда II Августа без прямых наследников в 1572 г. передала верховную власть в руки примуса, временного правителя, что при дальнейших межкоролевьях стало правилом. На первых выборах апреля-мая 1573 г. соперничали Габсбурги (император Максимилиан II и его третий сын Эрнст), французский принц Генрих Валуа (брат короля Карла IX), шведский король Юхан III, женатый на Екатерине Ягеллонке, сестре Сигизмунда II Августа, русский царь Иван Грозный и его сыновья. Последних выдвинули православные литовские и западнорусские паны во главе с Кшиштофом Граевским,

апеллируя к надежде на совместную с Московией войну с османами и крымцами.

Выбрали Генриха Валуа, который оказался кандидатурой абсолютно непригодной. Он пробыл в Польше менее двух месяцев, был коронован 12 февраля 1574 г. и вскоре бежал. В декабре 1575 г. новые выборы возвели на престол Анну Ягеллонку, сестру Сигизмунда II Августа, и трансильванского воеводу Стефана Батория, обвязав их заключить брак. В 1576 г. шляхта Великого княжества Литовского признала Батория своим великим князем. А к 1582 г. Стефан Баторий сумел не только отвоевать у русских Полоцк, вытеснить их из Ливонии, но и чуть было не овладел Псковом. Так что при всех династических кризисах, межкоролевьях, правлении примусов и выборах монархов на Сеймах успехи польско-литовского государства при двух последних Ягеллонах и Стефане Батории были столь очевидны, что их время вошло в историю Речи Посполитой как «золотой век». Осмыслением «золотого века» соседей-соперников наверняка были заняты умы русской политической элиты после кончины Грозного.

Бояре-княжата обратили свой взор в сторону Стефана Батория. Находившийся в Москве канцлер Речи Посполитой Лев Сапега писал королю 10 июля 1584 г., что князь Иван Фёдорович Мстиславский, его, короля Стефана, сторонник, ссылаясь на информацию от придворного врача, выходца из испанских Нидерландов Иоганна Эйлофа [Зимин 1986, с. 119].

Правда, в том же 1584 г. И.Ф. Мстиславский принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре. Трудно обоснованно решить, было ли это результатом «игры» Годунова. Место И.Ф. Мстиславского как первейшего члена Думы унаследовал его сын Фёдор Иванович, но при этом лидерство в «партии» княжат перешло от Гедиминовичей Мстиславских к Рюриковичам Шуйским.

В 1585 г. переводчик Посольского приказа поляк Яков Заборовский сообщил на родину, что Шуйские стоят во главе «пропольской партии». Шуйские были весьма популярны, причем в отличие от Мстиславских не только среди княжат. В начинаниях Шуйских, будь то план заточения в монастырь бездетной царицы Ирины Годуновой или заговор по свержению Лжедмитрия I в мае 1606 г., за ними шли авторитетнейшие московские купцы, зажиточные посадские люди, часть столичного дворянства.

Из переписки Стефана Батория с иезуитом Антонио Поссевино следует, что в 1583–1584 гг. у поляков возникло впечатление, «что бояре и почти весь народ московский, не желая терпеть деспотизм Годунова, ждут лишь польской помощи». Московские эмигранты советовали королю не терять времени. «Где король не придет, тут все его будет, – заявлял Баторию Михаил Головин, бежавший в Литву после расправы с его родственниками, уличенными Годуновым в казнокрадстве, – никто... против его руки не подымет... для розни и нестроения служить и биться никто не хочет» [Скрынников 1979,

с. 34]. 11 лет спустя в письме от 25 августа 1595 г. к польскому королю Сигизмунду III Вазе напольный гетман Станислав Жолкевский будет вспоминать, что Стефан Баторий «привлекал к себе Москву с помощью Ивана Петровича Шуйского» [Скрынников 1979, с. 271].

Отголоском неких планов унии Московии и Речи Посполитой было не принятое Фёдором Иоанновичем предложение Стефана Батория объявить наследником обеих стран того из них, кто переживет другого.

Суть плана «земской партии» бояр-княжат состояла в выработке условий, на которых в случае смерти бездетного царя Фёдора Россия вступит в личную унию с Речью Посполитой. Что могло привлечь в таком развороте событий бесспорного патриота России боярина Ивана Петровича Шуйского? Он, как мы помним, возглавлял оборону Пскова, осажденного с 18 августа 1581 по 4 февраля 1582 г. западноевропейскими наемниками Батория и оставленного Иваном Грозным без всякой помощи. Только мужество псковичей заставило Батория снять осаду и начать переговоры с Россией, где он отказался от аннексии собственно русских территорий. Ям-Запольский договор о десятилетнем перемирии, заключенный 5 (15) января 1582 г., фиксировал отказ России от претензий на Ливонию и Полоцкую землю, а Баторий возвращал Москве захваченные им Невель, Великие Луки, Заволочье, Холм и городки Псковщины – Остров, Воронеч, Красное, Велье, а собственно русские территориальные потери в пользу Речи (область около г. Велижа) были ничтожны. Польско-литовской стороне не удалось настоять и на выплате Россией компенсации за военные расходы (поляки требовали 400 тыс. венгерских золотых) [Флоря 1978, с. 32].

Не последнюю роль тут сыграл секретарь генерала Ордена иезуитов Антоний Поссевино, посланный папой Григорием XIII по просьбе Ивана Грозного о посредничестве в русско-польских переговорах и надеявшийся после успеха своей миссии начать с русским царем переговоры о церковной Унии. (Попытки склонить Россию к унии и к выступлению против Турции были традиционны с конца XV в. для дипломатии Святого Престола и Священной Римской империи.)

Однако и Стефан Баторий проявил достаточно гибкости, видя главным противником Речи в Ливонии в 1582 г. не Россию, а Швецию, в которой к тому же быстро распространялся протестантизм.

Обратив взоры на Стефана Батория, бояре-княжата рассчитывали устранить сразу несколько проблем. Во-первых, зарекомендовавший себя умелым политиком Баторий, будучи трансильванцем, а не поляком, способен был найти золотую середину между интересами Речи Посполитой и России. Во внешних делах у России и Речи имелись общие противники – Крым и Швеция. Последняя серьезно сузила русский выход к Балтийскому морю, отняв Корелу с уездом, Копорье, Ям и Иван-город по Плюсскому перемирию,

заключенному 10 августа 1583 г. на три года и пролонгированному 28 декабря 1585 г. еще на четыре года [Флоря 1978, с. 34]. Как иностранец во внутренних делах Баторий вынужден был бы доверяться Боярской думе в Москве. При этом возвысившийся «по кике» Борис Годунов автоматически канул бы в лету.

Княжата могли рассчитывать, что опора на Речь Посполитую во внешних делах и разрешенный путем личной унии династический кризис позволили бы постепенно нормализовать социально-экономическую ситуацию внутри России. Внешнеполитический союз Польши, Литвы, Западной и Южной Руси с Русью Московской под рукой Стефана Батория кардинально менял бы геополитическую картину в Восточной и Южной Европе. Гипотетически такая держава, объединенная личной унией, могла конкурировать по влиянию со Священной Римской империей германской нации и теснить как Швецию в Прибалтике, так и Турцию на юге Европы.

Правда, стоит заметить, что известный историк А.А. Зимин в сообщениях о «пропольских планах» И.П. Шуйского, а также отца и сына Мстиславских, видит «скорее стремление правительства Фёдора к миру с Речью Посполитой, которое неверно понималось в польских дипломатических кругах» [Зимин 1986, с. 120–121]. В конце 1586 г. в Речи Посполитой собрался Сейм для обсуждения вопроса о возможности новой войны с Россией. В это время Фёдор Иоаннович тяжело болел и, быть может, что «пропольские разговоры» И.П. Шуйского и Ф.И. Мстиславского о возможной унии после смерти царя были лишь попыткой не дать Речи Посполитой начать боевые действия. Как только царь Фёдор поправился слухи о «пропольских настроениях» лидеров «земской партии» исчезли.

В более поздних австрийских известиях о наличии «пропольской партии» А.А. Зимин находил интригу Бориса Годунова, который так хотел объяснить случившуюся тогда расправу с И.П. Шуйским и его родней.

«Проект» династического брака Ирины Годуновой с Эрнстом или Максимилианом Габсбургами

Не лишенный государственного смысла план «земской партии» о личной унии России и Речи Посполитой, если таковой был, не мог устроить Бориса Годунова, ни в свете явной тенденции к ограничению царской власти в пользу Думы, ни тем, что не оставлял для него лично места в новой высшей администрации. О планах 1586 г. вождей «земской партии» Годунов сообщал в 1589 г. имперскому послу Николаю Варкочу. Это следует из письма Варкоча на родину: «...душеприказчики, как во всяком случае утверждает Борис, стремились соединить Москву с Польским королевством» [Донесение 1978, с. 109]; «...вообще имеются основательные подозрения, что все это вовсе не

выдумки»³ [Скрынников 1979, с. 6]. Николай Варкоч трижды приезжал в Москву в 1589, 1593 и 1594 гг. Он был послом императора Рудольфа II. Основной сюжет переговоров касался имперских призывов к России к совместным выступлениям по делам, связанным с судьбой польского престола после смерти Стефана Батория, а также к совместной борьбе с крымцами и турками. Все посольства Варкоча уехали из Москвы с щедрыми дарами и субсидиями. О заинтересованности Габсбургов в России говорит тот факт, что только в Московию имперские посольства возили богатые подарки. Обычно это было не в правилах имперской дипломатии.

В 1589 г. наиболее остро стоял польский вопрос. Неслучайно на роль посла был назначен родственник Батория. По русским источникам конца XVI в., «Варкоч с Нопшиц ...у цезаря дворянин думной, великий человек, а родом он угренин, а Стефану королю, что был в Литве, племянник» [Аделунг 1864, с. 253].

Главной целью Николая Варкоча в Москве в 1589 г. была просьба о денежной помощи для борьбы за польский престол эрцгерцога Максимилиана (пятого сына императора Максимилиана II и младшего брата императора Священной Римской империи в 1576–1612 гг. Рудольфа II) с шведским принцем Сигизмундом Вазой.

Но было и еще одно задание, о чем свидетельствуют донесения Варкоча. Еще до приезда Варкоча в России находился другой имперский подданный Лукаш Паули (по русским источникам «Лукаш Павлусов сын Магнусов»). Этот имперский агент прибыл в Москву при Иване IV и оставался там до 1587 г., когда был послан царем Фёдором к императору. Паули сообщал в Вену в 1585–1587 гг., что бездетный царь Фёдор готов испустить дух, а в Москве есть люди, которые надеются увидеть на русском престоле принца из рода Габсбургов. «Об этом-де шла речь в завещании великого князя (Ивана IV), которое до сих пор сохраняется в тайне» [Зимин 1986, с. 107]. Вначале Паули называл имя эрцгерцога Максимилиана, претендента на польский трон, а потом уточнил, что в «Завещании»⁴ Ивана Грозного фигурировал эрцгерцог Эрнст (третий сын Максимилиана II). Интересно, что в донесении 1589 г. Николая Варкоча всплыло опять имя Максимилиана Габсбурга, как удобного для Бориса Годунова претендента на русский престол в случае

3. Скрынников ссылается на *Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien), Russland I, Fasz. 3, fol. 63*. См. также: [Акты, с. 7].

4. Иван Грозный регулярно обновлял свои духовные, но конечный вариант его завещания до нас не дошел. Сохранились лишь черновые варианты, которые дьяки использовали для составления духовной царя 1572 г. (как полагали С.Б. Веселовский и Р.Г. Скрынников) или завещания, относящегося к 1577–1579 гг. (версия А.Л. Юрганова). Текст черновика см.: [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 426–444].

смерти Фёдора Иоанновича. «...Теперь все главные учреждения и должности, как и управление страной, городами, да и придворные должности Борис разделил между своими сторонниками и родственниками, подавив тех, кто ему противился. Некоторые из знатнейших ему завидуют и не очень его жалуют, но он держит в своих руках и самого великого князя, и все его государство. Впрочем, можно ожидать, что в случае смерти великого князя против Бориса немедленно поднимется сильное возмущение, и Борис это хорошо знает. Если бы он сам захотел стать правителем Московии, то ему это бы не удалось, а если бы и удалось, то добра бы ждать не приходилось, ибо все или большинство настроены против него. А потому он стремится передать княжение так, чтобы новый господин великий князь отблагодарил его, подтвердив в должности и положении, которые Борис занимает, или дал бы Борису другое высокое место. А если бы король Максимилиан получил польскую корону, то Борис, по его собственным словам, поддержал бы претензии эрцгерцога и на московский престол» [Донесения 1978, с. 109]. Из этой цитаты видно, что посол Габсбургов предполагал возможность геополитического включения и Речи Посполитой, и России в сферу контроля Габсбургов, что скорее всего было его собственной фантазией, нежели планами Годунова.

Эрнст был, как мы помним, кандидатом на польский трон в 1573 г., а с момента вступления в 1576 г. на императорский престол его старшего брата Рудольфа II являлся губернатором Австрии. Это был один из ключевых имперских постов. Претендентом на польскую корону стал его младший брат Максимилиан. Предполагалось, что, по воле Ивана Грозного, еще при жизни царя Фёдора, принц Габсбург должен был быть «ежегодным представителем княжеств Твери, Углича, Торжка с ежегодным доходом в 300 тысяч рублей» [Зимин 1986, с. 107]. Внеся имя Эрнста в последний вариант завещания, которое записал дьяк Савва Фролов, Иван Грозный якобы собирался известить об этом Вену и Прагу (резиденцию Рудольфа II), послав в имперские пределы своего любимца Богдана Бельского, племянника Малюты Скуратова (Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского). Ссылку Богдана и неожиданную кончину Саввы Фролова (имя дьяка действительно исчезло из источников в конце 1588 г. [Скрынников 1979, с. 45]) Лукаш объяснял приказами Бориса Годунова. Борис же, по версии Паули, уничтожил и «Завещание» Ивана IV.

Добавим, что уже в 1584 г. из придворного окружения исчезло большинство близких к Ивану IV его любимцев и доверенных лиц из приказных людей и дворян, кто лично был очевидцем событий последнего дня жизни грозного царя. Любимца Ивана Грозного Р.П. Биркина сослали служить в Рязань, его тестя, видного дьяка из «партии опричных» А.В. Шерефидинова, отправили на службу в Коломну, были сосланы в провинцию думные дворяне Нащокины, Зюзины, Воейковы, Пивовы [Станиславский 2004, с. 75, 120–121].

Вена, направив в Москву посольство Николая Варкоча, поручила послу разобраться с возможными правами Габсбургов на русский трон. Паули также прибыл в Москву в 1589 г. вместе с посольством Варкоча. В депеше 1589 г. Варкоч рапортовал: «Перед своей смертью великий князь Иван Васильевич написал свою последнюю волю, в которой назначал своими душеприказчиками некоторых ближних бояр, но шурина нынешнего великого князя Борису Фёдоровичу Годунову не завещал ни должности, ни положения. Бориса это очень обидело, а потому он заключил тайный союз со своими родственниками и друзьями. А душеприказчики, как во всяком случае утверждает Борис, стремились соединить Москву с Польским королевством, что подтверждается многими убедительными доказательствами. Душеприказчики сгруппировали вокруг себя многих мещан и купцов, чтобы внезапно напасть на Бориса, устранить его и весь его род, и всех его сторонников, стоящих на их пути. Борису донес об этом один немец, член их союза. И тогда Борис сделал с ними то, что они намеревались сделать с ним: напал на них, перебил и сослал в опалу и, говорят, разорвал завещание Ивана IV и велел сжечь» [Донесение 1978, с. 109]. Аналогичное, но более позднее сообщение историки имеют от голландского купца итальянского происхождения Исаака Массы, с юности обретавшегося в России, а также от шведского резидента Петра Петрея. Из этого Р.Г. Скрынников, автор известной книги «Борис Годунов», полагал, что Годунов действительно не был в числе первых опекунов Фёдора [Скрынников 1979, с. 106].

Однако А.А. Зимин считал, что большего доверия заслуживают сообщения английского купца-фактора (главы) Лондонской Московской компании в России Джерома Горсея. В отличие от названных выше информаторов Горсей находился в России 17 лет (1573–1591), входил в ближний круг общения Ивана Грозного в последний период его жизни. Был допущен даже на тайные астрологические и магические гадания царя о собственной судьбе, которые Иван Грозный проводил вместе со своим последним лейб-медиком Иоганном Эйлофом. Горсей писал, что в ночь после кончины Ивана Грозного «...боярин Борис Фёдорович Годунов, князь Иван Федорович Мстиславский, князь Иван Петрович Шуйский и Богдан Яковлевич Бельский, – все знатные люди и главнейшие по завещанию царя (особенно лорд Борис, которого он считал своим третьим сыном, брат царицы, любимый всеми сословиями вполне заслуженно благодаря своим добродетелям и мудрости), – все они были назначены, чтобы утвердить на троне его сына Фёдора Ивановича, привели к присяге друг друга, всю знать и чиновников» [Горсей 1991, с. 142]. Посольство Речи Посполитой сообщало о роли Годунова как первого советника уже в 1584 г.: «...на приеме посла Льва Сапеги в июне 1584 года Борис Годунов “стоял у государя выше рынд, в то время как остальные бояре, в том числе И.Ф. Мстиславский, Н.Р. Юрьев и И.П. Шуйский, сидели в лавках поодаль”.

“Такая расстановка” и “посадка” бояр сразу объяснила Льву Сапеге роль Годунова как первого советника при царе Фёдоре Ивановиче» [Козляков 2011, с. 20]. Неофициозный «Пескаревский летописец», отметив наличие совета опекунов, также ставил во главу этого совета Бориса Годунова: «...по повелению царя и великого князя Феодора Ивановича стал править всю Рускую землю Борис Федорович Годунов з братиею и з дядиею: з Дмитрием и Степаном, и з Григорьем, и с Ываном, и с ыными своими советники, и з бояры, и з думными дворяны, и з дьяки: с Ондреем Щелкаловым с товарищи» [Козляков 2011, с. 21].

Есть и другие источники, называвшие Годунова, получившего при коронации Фёдора Иоанновича давно никому не даваемый высший боярский чин конюшего, главным «регентом» царя Фёдора. Очевидно, что версия об отсутствии Бориса в совете царских опекунов распускалась его противниками, боярами-княжатами, желающими опорочить Годунова в глазах малосведующих в придворных интригах имперских дипломатов, которые ее и тиражировали в депешах Варкоча.

Нас же эти послания Варкоча интересуют в связи с легендой, циркулирующей в Вене и Праге о неких правах Эрнста или Максимилиана Габсбургов, и тайными помыслами самого Бориса Годунова. В отечественной историографии наличие таких помыслов доказывал Р.Г. Скрынников. Он, в отличие от А.А. Зимина, полагавшего, что легенда – полный вымысел Паули и Варкоча, предполагал, что Борис Фёдорович Годунов вынашивал секретный план в случае кончины Фёдора выдать замуж свою сестру, овдовевшую русскую царицу, за Габсбурга и вел об этом тайные переговоры с Варкочем [Скрынников 1979, с. 109]. В современной историографии сделаны попытки реконструировать участие самой царицы Ирины (Годуновой) в государственной деятельности и возможность ее активного влияния в этой области на царя Фёдора [Морозова 2006].

Возвращаясь к секретным планам Бориса Годунова следует сказать, что если Годунов и сжег завещание Грозного, то только для того, чтобы распустить слух о предусмотрительности Ивана Грозного, который, якобы, сам предлагал выход из династического кризиса в случае бездетного ухода Фёдора за счет выдвижения на русский престол принца Габсбурга, представителя самой титулованной династии Европы. Зная о невысоком мнении Ивана Грозного об Ирине Годуновой и его попытках развести Фёдора с женой по причине отсутствия у нее детей, предложение Ивана IV о возможности брака вдовы его сына с Габсбургом (равно как и упоминание Габсбурга в духовной Грозного) представляется нам невозможным.

Секретный план матримониального союза принца Габсбурга и вдовы Фёдора Иоанновича мог составить только сам Борис Годунов в качестве ответа на замыслы личной унии Речи Посполитой и России «пропольской партии».

Подтверждением этому может служить известие поляка, толмача Посольского приказа, Якова Заборовского. В его письме в Польшу капитану Белявскому от мая 1585 г. читаем, что «царь Фёдор тяжело заболел и в случае его смерти якобы один из братьев Рудольфа II женится на Ирине Годуновой и станет московским царем» [Скрынников 1979, с. 120; Scriptores 1885, s. 421–423].

Свидетельство переводчика-поляка из Посольского приказа очень важно. В 1584–1591 гг. именно Посольский приказ был одной из главных опор Бориса в его борьбе за власть. Фёдор Иоаннович в конце 1584 г. сделал своего шурина главным советником по внешнеполитическим делам, включая организацию русских посольств и прием иностранных миссий. Боярской думе, где доминировали княжата, пришлось 7 августа 1588 г. «указать» (т.е. отдать в полное ведомство) Годунову написание всех грамот от имени царя Фёдора в Крым и все контакты от имени царя со Священной Римской империей, Англией и Персией (последнюю в 1593 г. Борис и имперский посол Варкоч будут пытаться привлечь к намечавшемуся русско-австрийскому союзу против османов). Годунов имел право напрямую общаться и с первейшими сановниками названных выше стран.

А вот контроль за связями с Речью Посполитой и Швецией, включая прием польско-литовских и шведских послов, Боярская дума оставила за собой, что в контексте нашего исследования совсем немаловажно.

Насколько Священную Римскую империю могли интересовать расклады сил вокруг московского престола? Габсбурги со времен инициации папой Павлом II брака Ивана III с Софьей Палеолог предпринимали дипломатические усилия, чтобы склонить Россию к альянсу против османов и к церковной унии. Иван III и Василий III, исходя из оценки возможностей своей страны, дальше заклинаний о готовности защищать христиан не шли. Оба имели с Блистательной Портой дружественные контакты, что наследовал от них и Иван IV вплоть до присоединения к Москве Казанского и Астраханского ханств в 1552–1556 гг.

Но во второй половине XVI в. Москве уже пришлось отражать напор не только Крыма, но и самой Турции. Это могло обнадежить имперскую дипломатию все еще не потерявшую надежду привлечь Россию к реальной борьбе с османами.

В 1552–1558 гг. Крым пытался отвоевать Поволжье, и Турция стала оказывать ему помощь, сначала косвенную, что не обеспечило успеха этому предприятию. К примеру, даже победа татар, одержанная 3–4 июля 1555 г. над войском И.В. Шереметева у села Судбищи не привела к полному разгрому русских, а огромные потери крымцев, у которых в числе погибших оказались и два сына крымского хана Девлет Гирея (1551–1577), и гибель турецких воинов из Кафы заставили Девлет-Гирея отступить без полона и добычи [Волков 2016, с. 52–53]. Неудачи Крыма заставили султана Сулеймана I

Великолепного (1520–1566), позже его сына и преемника Селима II (1566–1574), а еще позже правительство сына Селима II Мурада III (1574–1595) напрямую вмешаться в русско-крымские отношения. В 1568–1577 гг. грянула первая в отечественной истории война с Турцией. К счастью для России, ее невольным «союзником» оказался сам крымский хан Девлет Гирей. Опасаясь за свою автономию, он стремился не столько помочь туркам вырыть канал между Доном и Волгой для подведения османских сил к Астрахани, сколько желал выдворить 17 тыс. янычар и прочих османских воинов за пределы своего ханства. Очень успешно в 1569 г. войне действовала 15-тысячная «сплавная рать» П.С. Серебряного-Оболенского, русского воеводы из бояр-княжат Гедиминовичей, разогнавшего строителей канала и заставившего отойти от Дона и Астрахани 50-тысячную армию крымцев. Кстати, на помощь Серебряному по своей инициативе из литовских пределов выступил другой Гедиминович, православный магнат М.А. Вишневецкий, покровитель запорожских казаков, основатель их «столицы» Черкаска. А запорожские и донские казаки тоже по своей инициативе на стругах добились разгромленного бурей османский флот (100 галер). В Турцию из Астраханского похода 1569 г. вернулись живыми лишь 700 янычар [Волков 2016, с. 63].

Габсбурги, с середины XV в. постоянно занятые отражением османов от своих рубежей, не могли не заметить этот русский успех и потенциал будущих побед над Турцией в случае объединения австрийских, русских и польско-литовских усилий. Забегая вперед, отметим, что два набега крымского ханства в 1591 и 1598 гг. были успешно отбиты Россией. Стратегически перспектива войны с Крымом и Турцией являлась для Москвы необходимостью, как и поиск международных союзников в этом деле, так как Порты в XVI в. находилась на пике своих военных возможностей.

Имперская дипломатия полагала, что Россия и Речь Посполитая могут играть роль щита Европы, способного противостоять экспансионистским планам турок. В этом ключе и работала мысль императора Рудольфа II, стремящегося посадить одного брата на польско-литовский престол и готового схватиться за иллюзию возможности занятия другим своим братом московского трона. Такой поворот облегчил бы положение Габсбургов, силы которых в конце XVI в. были распылены в разных конфликтах. После разгрома чешско-хорватско-венгерских войск у Мохача в 1526 г. под власть Османской империи попала большая часть Венгрии и на отпор туркам, опустошающим австрийские границы и угрожающим самой Вене, у австрийских Габсбургов уходило немало сил. Нидерланды успешно бились с Габсбургской Испанией, получая поддержку Англии, на стороне которой «выступил» грандиозный шторм, став одним из решающих факторов разгрома Великой армады в 1588 г.

С русской стороны «карту» возможного брака в будущем австрийского принца Габсбурга с вдовой русской царицей мог разыграть Борис Годунов в 1586 г. в случае смерти тяжело болеющего в это время царя Фёдора Иоанновича. Возможно, что и в 1589 г. он не расставался с этой идеей. Такая перспектива полностью сохраняла его лично у власти и в принципе не противоречила ни внешним, ни внутренним интересам России. Отголоски этого гипотетического проекта «Годунов – Габсбурги» запечатлелись и в слухах 1585–1587 гг., и в миссии Варкоча 1589 г. Но если такая «карта» и была в «колоде» тайных планов Годунова в 1586 г., она не была пущена в ход. Фёдор Иоаннович поправился, и сообщения о неких связях Бориса с австрийцами достигли его ушей. Польский посол сделал соответствующий демарш в присутствии ряда членов Боярской думы в начале 1586 г.

Появление в Москве польско-литовского посольства во главе с минским каштеляном Михаилом Гарабурдой является подтверждением тайных династических планов и княжат, и Годунова. Речь Посполитая потому и направила в декабре 1585 г. свою миссию в Москву, что была убеждена, что из Москвы ведутся переговоры с Габсбургами о троне, против чего и должен был выступить Гарабурда. Его же откровенное предложение в случае смерти большого Фёдора Иоанновича посадить на московский трон Стефана Батория с обещанием России «вечного мира» и требованием от Москвы уже сейчас дать на это письменное согласие указывали на то, что посол был полностью уверен в поддержке кандидатуры Батория «пропольской» частью Боярской думы. Возмущенные демаршем Гарабурды (при живом царе!), Годунов и Андрей Щелкалов не встретили сочувствия у большинства членов Думы. Значительная часть думных бояр заявила, что не желают войны с Речью Посполитой, а хотят продления перемирия. Гарабурду же заверяли, что в Думе и мысли не допускали о контактах с Габсбургами в контексте судьбы русского престола.

Улучшившееся здоровье царя Фёдора, конечно, заставило «пропольскую партию» затаиться. В течение всех переговоров польско-литовскому эмиссару не позволили выступать в Боярской думе, а также встретиться по династическому вопросу с митрополитом Дионисием. Лишь 26 апреля 1586 г. Михаил Гарабурда имел прощальную аудиенцию с полным составом Боярской думы, где претензии на унию России и Речи с Баторием на троне были отклонены.

А чуть позже, в июне 1586 г., уже после отъезда домой дипломатов Речи Посполитой, открылся еще один тайный сюжет. Он наводит на мысль, что не один Годунов мог списываться с Габсбургами. Дореволюционный историк А.Я. Шпаков обнаружил информацию о том, что вместе с антиохийским патриархом Иоахимом, прибывшим в Москву летом 1586 г., приехал из Литвы гонец с грамотой для московского митрополита Дионисия от некоего православного магната из Речи Посполитой, который писал московскому Дионисию и его советникам-боярам, что до него дошли слухи о их посылках к «цареву

брату» (но не к Эрнсту, а к Максимилиану). Автор письма ратовал за Батория и сетовал, что в Москве «ищут себе приязни с чюжими и з далекими народы, а мимо их короля» [Шпаков 1912, с. 14]. Княжата с посланием ознакомились, но Дионисию не передали и не распространялись о его содержании. Возможно, что дальнейшее участие Дионисия в демарше княжат с целью развода царя Фёдора с Ириной Годуновой было делом для митрополита вынужденным, из-за угрозы раскрытия царю его «заговора» в пользу Габсбургов.

Открывшиеся же в ходе переговоров с посольством Гарабурды тайные контакты с Габсбургами, в которых подозрение падало на Бориса, бояре-княжата, по мнению Б.Н. Флори, решили использовать как аргумент для полного свержения Годунова [Флора 1978, с. 130–133].

Реальный Фёдор Иоаннович был далек от образа тишайшего богомольца, созданного А.К. Толстым. В юности он не только звонил в колокола, но и с интересом взирал на кровавую бойню человека с медведем. По свидетельству австрийского дипломата, описавшего посольство Н. Варкоча в 1593 г., Фёдор дважды в дни пребывания имперских дипломатов в Москве лично бил на охоте лосей, медведей и лис [Гизен, Гейс 1991, с. 153]. В отличие от старшего брата Ивана, дважды разведенного по воле отца, Фёдор нашел в себе мужество отвергать приказы отца развестись и сохранил свой брак с Ириной Годуновой. Став монархом, он мог и посохом своим пройти по спинам придворных. Вот и на тот раз, узнав о сватовстве к «цареву брату», Фёдор Иоаннович лично колотил шурина посохом.

В 1584–1586 гг. Борис Годунов постоянно ощущал себя в опасности. Он просил Джерома Горсея о помощи и тот сообщал в своих мемуарах, что еще в октябре 1585 г. ходатайствовал перед королевой Елизаветой о предоставлении Борису и его семье убежища в Англии. Горсей добавил, что явится Годунов не с пустыми руками. На Соловках Борис тайно держит приготовленные для бегства сокровища [Скрынников 1979, с. 30]. Предполагал Годунов и совсем печальный итог, о чем свидетельствует его вклад в Троице-Сергиев монастырь на большую по тем временам сумму в 1 тыс. руб. (примерно 3 тыс. талеров, 2 руб. тогда стоила лошадь). В перечне членов Боярской думы, присутствовавших на прощальной аудиенции с польско-литовским послом М. Гарабурдой, обладатель высшего чина «конюшего» Борис Годунов значился только четвертым, а его союзник из старомосковской знати Фёдор Никитич Романов открывал второй десяток членов Думы. Возглавляли список Фёдор Иванович Мстиславский и специально приехавший на переговоры с польско-литовскими дипломатами псковский наместник Иван Петрович Шуйский.

Удержали царского шурина на плаву заступничество сестры-царицы да, очевидно, позиция его союзников – дьяков Щелкаловых, а возможно и слова в защиту Годунова кузенов царя Романовых. Романовы, как и их отец, прежний

глава «партии» старомосковских бояр, не могли приветствовать монополию княжат на власть. Никиту Романовича Захарьина-Юрьева еще летом 1584 г. разбил инсульт. Горсей писал, что он «околдован», лишился языка и разума. «Сказание о Филарете Романове» утверждает, что Годунов всегда называл Никиту Романовича «батюшкой», а тот перед смертью (случилась она 23 апреля 1586 г.) просил Бориса заботиться о своих сыновьях «как о братьях» [Скрынников 1979, с. 23]. В таких же тонах освещает союз Бориса с Романовыми их родственник И.М. Катырев-Ростовский в своей «Повести» о Смуте.

Дьяки Андрей и Василий Щелкаловы состояли при государевых делах еще со времен Избранной рады. Они благополучно пережили опричные и постопричные времена, не утратив своего политического веса, потому что их положение, как и влияние всей «приказной братии» в целом, держалось не в последнюю очередь на возможности лавировать между боярскими кланами и различными придворными «партиями». Монополия княжат на власть была им тоже ни к чему.

К тому же царь Фёдор, скорее всего, не без помощи союзников Годунова и самого Годунова, узнал о тайных симпатиях Ф.И. Мстиславского и И.П. Шуйского к Стефану Баторию. Ездившее в Речь Посполитую летом 1586 г. посольство во главе с князем Ф.М. Троекуровым привезло осенью 1586 г. в Москву новые известия о продолжавшихся в окружении Батория разговорах об унии с Россией под скипетром Стефана. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения доброго царя Фёдора.

Дело в том, что в 1584–1586 гг. «партия» княжат выступала не только против Годунова, но и против его сестры царицы Ирины и всех Годуновых. Об этом писал не один Николай Варкоч. Ранее об убийстве Годуновых и их сторонников (что оказалось неправдой) сообщало письмо некоего поляка из Москвы. Это послание пришло в Витебск в декабре 1586 г. В нем утверждалось, что княжат поддержал думный дьяк Андрей Щелкалов, а Борис Годунов и 800 его сподвижников убиты [Скрынников 1979, с. 35]. Очевидно, что такого поворота событий ожидал автор письма, знакомый с некими тайными расчетами противников Годунова. Подробности решающего столкновения Годунова с его противниками во главе с Шуйскими содержатся в Хронографе 1618 г. Этот источник говорит, что часть знати и «богатых торговых мужиков» при поддержке митрополита Дионисия подала Фёдору Иоанновичу прошение о пострижении царицы Ирины из-за ее бездетности. Челобитчики молили царя Фёдора выбрать новую супругу ради рождения наследника. На роль невесты выдвигали сестру Ф.И. Мстиславского.

Вся эта затея оказалась большой ошибкой княжат, в результате которой Иван Петрович Шуйский и другие думцы, подписавшие прошение, а также митрополит Дионисий и крутицкий архиепископ Варлаам Пушкин подверглись опале. Первым уже осенью 1586 г. был сослан Андрей Иванович Шуйский.

Он погиб в ссылке в 1589 г., а в 1586 г. несколько столичных купцов за то, что «не в свойское дело вступилися», сразу кончили жизнь на плахе, о чем Посольский приказ официально информировал Речь Посполитую. Хотя в чем состояло «несвойское дело» купцов и как причастен был к нему Андрей Шуйский полякам не разъясняли.

Вслед за Андреем Шуйским и остальные Шуйские постепенно оказались не в чести у царя Фёдора. В опале оказались и входившие в Боярскую думу Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские, а также Василий Фёдорович Шуйский. В 1588 г. дошло дело и до главы «партии Шуйских» героя обороны Пскова. Англичане Джером Горсей и Джильс Флетчер, а также московский и псковский летописцы сообщают, что Ивана Петровича Шуйского свезли из его вотчины в Кинешме в Белозерский монастырь и постригли под именем Иов. Чуть позже он «угорел» в келье по тайному приказу Годунова, как утверждают названные источники.

Скорее всего так оно и было, ведь слухи называли И.П. Шуйского главным опекуном царя Фёдора, согласно завещанию Ивана Грозного.

Москва и очередное междуцарствие в Речи Посполитой

В 1586 г., пока все ожидали кончины московского царя, неожиданно 3 (12) декабря 1586 г. умер Стефан Баторий. В Москве, наверное, пожалели, что не отнеслись всерьез к предложению Батория рассматривать престол и России, и Речи Посполитой «наследством» того из двух монархов (русского или польско-литовского), кто переживет другого.

Московская дипломатия тут же выдвинула Фёдора Иоанновича кандидатом на польский трон. В этом ее поддержали сторонники союза Московии и Речи Посполитой в среде польско-литовской аристократии. В конце XVI – XVII в. «промосковская партия» постоянно будет присутствовать в среде польско-литовских магнатов и шляхты, хотя будет невелика по составу и не реализует ни одного из своих начинаний. Большинство в Сейме колебалось между приглашением кого-либо из Габсбургов или принца Сигизмунда из династии Ваза. Последний являлся сыном шведского короля Юхана III и его жены Екатерины, сестры последнего польского Ягеллона Сигизмунда II Августа.

Некогда руки Екатерины Ягеллонки у шведского королевства почти маниакально домогался Иван Грозный, хотя был женат, а Екатерина добровольно разделяла заточение своего мужа, бывшего финляндского герцога Юхана, восставшего против старшего брата шведского короля Эрика XIV. В заточении и родился будущий король Сигизмунд III, воспитанный позже иезуитами как католик, причем настолько ревностный, что соображения

борьбы за римскую веру превышали у него почти всегда все прочие интересы. «Партия» шведского принца-католика и последнего мужчины, кровного родственника угасшей династии Ягеллонов, возглавлялась в Речи Посполитой его теткой Анной Ягеллонкой, сестрой Сигизмунда II Августа и вдовой Стефана Батория. Ее правой рукой и саблей был коронный гетман Ян Замойский. Вдохновители борьбы за контрреформацию в Речи Посполитой иезуиты видели в своем воспитаннике также лучшего из кандидатов [Александров 2011]. Для папской курии Сигизмунд был в принципе тоже лучше, чем Габсбурги, так как, являясь наследником одновременно и шведского трона, мог бороться с распространением лютеранской веры как в Речи Посполитой, так и в Швеции. Последнее оказалось иллюзией. Протестантизм вскоре был объявлен в Швеции государственной религией.

В 1586 г. московская дипломатия в случае отклонения кандидатуры Фёдора Иоанновича на польский престол была на стороне эрцгерцога Максимилиана Габсбурга. И Швеция, и Речь Посполитая были естественными соперниками России, имевшими к ней территориальные претензии. К счастью для России, соперничество из-за Ливонии превращало Речь Посполитую и Швецию в противников друг друга. Восшествие на польский трон Сигизмунда Вазы, наследника шведского короля Юхана III, означало попытку создания польско-шведского компромисса, что не сулило России ничего положительного.

Польское бескоролье сблизило Россию и Габсбургов. В 1587–1588 гг. опять наметился их альянс. Косвенным подтверждением этому стал предпринятый в 1588 г. демарш Москвы, бьющий по интересам Англии, которая находилась в конфликте с Габсбургской Испанией. Лондонскую Московскую компанию решили второй раз лишить права беспошлинной торговли в России. Первый такой ход случился в марте 1584 г. Тогда думный дьяк Андрей Щелкалов в объяснение заявил, что «английский царь» Иван Васильевич умер. В 1587 г. привилегию вернули, а в 1588 г. Годунов, «приятель» английского купца Джерома Горсея, согласился отобрать привилегию вновь. Это вызвало ликование русских «торговых мужиков», голландских гостей и прочих иностранных купцов, не имевших царских грамот.

Тем временем 27 декабря 1587 г. сын Юхана III стал королем Речи Посполитой. Он взошел на польско-литовский престол с именем Сигизмунд III Ваза (*Zygmunt III Waza*). Чуть позже Сигизмунд III перенес столицу из Кракова в Варшаву, так как Краков был слишком близко расположен к чешско-словацким владениям Габсбургов. Избрание Сеймом Сигизмунда стало причиной Первой войны за Польское наследство. Поддержанный магнатами Зборовскими эрцгерцог Максимилиан пытался штурмовать Краков, но безуспешно. Максимилиан встал в Спише возле польско-чешской границы. Однако Ян Замойский и Сигизмунд III вторглись в чешские владения Австрии

и разбили 24 января 1588 г. основные силы Максимилиана, находившиеся около Бычина. На следующий день Максимилиан сдался в плен и вынужден был в марте 1588 г. отказаться от претензии на польскую корону.

В итоге ставка на Габсбургов ничего не дала России. Более того, по польско-австрийскому Бендзинско-Бытомскому трактату, заключенному 9 марта 1589 г., Вена договорилась с Краковом о том, что не будет помогать Московскому царству. Летом того же года шведский король Юхан III привел в Ревель 40 шведских судов и подтянул 10 тыс. шведских солдат. Туда же с польско-литовскими силами явился и его сын король Речи Посполитой Сигизмунд III. Над Россией нависла колоссальная военная опасность. Ею не прочь были воспользоваться в борьбе с Борисом Годуновым его противники, о чем и сообщал позже в Вену из Москвы Николай Варкоч [Скрынников 1979, с. 41].

Но польско-шведского нашествия не случилось. Остановили Юхана III и Сигизмунда III недоверие их подданных друг к другу, а также сомнения относительно военной слабости России. Не сумели они договориться и с Крымским ханством не только о нанесении одновременного с ним удара по Московии, но даже о нейтралитете.

Крым после успешно отраженных Россией его набегов 1584 и 1586 гг. не планировал возобновления войны с Россией. В Бахчисарае оценили усилия русских по укреплению своих южных и юго-восточных границ. На Средней Волге недалеко от излучины Дона русские построили крепость Царицын, возвели также укрепленный городок на Тереке на Северном Кавказе и заперли низ Волги новым каменным кремлем в Астрахани, где сидел воеводой сын свергнутого крымского хана Мурат-Гирея.

Увидев отход сил Речи Посполитой на северо-запад, Крым не упустил шанса нанести удар по ее территории. Это заставило Сигизмунда III ретироваться из Ревеля. Начавшаяся вскоре в Карелии вялотекущая Русско-шведская война 1590–1593 гг., благодаря умелой игре Бориса Годунова на польско-шведских противоречиях, принесла в 1595 г. Тявзинский «вечный мир». Все, что было потеряно Россией в конце Ливонской войны, было возвращено.

«Проект» брака царевны Федосьи с иностранным принцем

Между тем царица Ирина продолжала рожать мертвых детей или не вынашивать их. Попытка ее брата тайно выпустить из Англии опытную повивальную бабку и сведущего врача кончилась новым скандалом. Митрополит и Боярская дума выразили крайнее возмущение, что «иноверцы» будут причастны к рождению царского ребенка. Прибывшая в Архангельск английская

акушерка была отправлена восвояси, а английский доктор был допущен в Москву, но только для врачевания царя Фёдора. И все же одной из царских дочерей – Федосье (Феодосии), родившейся 29 мая 1592 г., удалось ненадолго задержаться на этом свете. Имя царевне было дано неслучайное: в переводе с греческого Θεοδοσία – «Богом данная». (Интересно, что и крестильное имя самого Бориса Годунова было, видимо, Богдан или по-гречески Феодосий.)

У приверженцев продолжения «природной» династии московских Рюриковичей появился законный повод заранее готовить будущий династический брак единственной внучки Ивана Грозного.

За год до рождения царевны Федосьи в 1591 г. при невыясненных до конца обстоятельствах в Угличе погиб опальный ее дядя царевич Дмитрий (19 октября 1582 – 15 мая 1591). Будучи сыном Ивана Грозного от седьмого брака с Марией Нагой, он никогда не признавался законным братом Фёдора Иоанновича. В 1584–1591 гг. его даже не поминали в церкви среди членов царской фамилии, а в Синодике уважаемого на Руси Кирилло-Белозерского монастыря он и дальше значился не как царевич, а как удельный князь. Следствие по делу смерти Дмитрия было поручено князю Василию Ивановичу Шуйскому, которому неожиданно Годунов оказал большое доверие. Но историки давно заметили, что тактике Годунова было свойственно безжалостно уничтожать глав противных ему «партий», а их испуганным родственникам предлагать некий компромисс. Сохранившиеся до наших дней документы следственного дела рисуют убедительную картину случайной смерти царевича, игравшего с «робятками» «в тычку» и неожиданно заколовшего себя ножом в припадке эпилепсии. Царевич давно страдал этим недугом. Незадолго до гибели он перенес очередную вспышку болезни и в день своей кончины впервые после припадка был выпущен на прогулку. Так ли уж случаен был недосмотр его «мамки» (няньки) Василисы Волоховой, не покривил ли душой Шуйский в 1591 г., опасаясь опалы, сказать трудно.

Позже князь Василий Иванович Шуйский несколько раз высказывал иные версии случившегося в Угличе. При вступлении Лжедмитрия I в Москву в июне 1605 г. он клялся, что убит был другой ребенок, сыгравший роль «подменного царевича», а он, Шуйский, провел следствие так, чтобы спасти от поисков Годунова спрятанного настоящего царевича. Став царем в мае 1606 г., Шуйский утверждал, что царевич играл не «в тычку», а с орешками и был зарезан людьми, подосланными Борисом Годуновым. В итоге из его показаний и вытекают все три присутствующие в литературе версии – невольное самоубийство царевича, спасение, убийство. Последнюю тиражирует «народная» историческая традиция и церковная трактовка, возникшая при канонизации царевича в царствование Василия Шуйского.

После гибели царевича Дмитрия из рода московских Рюриковичей в живых оставалась его троюродная сестра Мария, вторая дочь двоюродного брата

Ивана Грозного Владимира Старицкого и его второй жены Евдокии Романовны Одоевской, кузины Андрея Курбского. (Матерью старших детей Владимира Старицкого – Василия и Евфимии (Евдокии) – являлась Евдокия Александровна Нагая, тетка Марии Федоровны Нагой, последней жены Ивана Грозного.) После смерти своей единокровной сестры Евфимии (по другой версии, старшей родной сестры, тоже носившей имя Мария), обрученной невесты датского принца Магнуса Ольденбурга, Мария в 13 лет вышла замуж за 33-летнего Магнуса. Этот датский принц, владетель острова Саарема, решил стать Ливонским королем и вассалом Ивана Грозного. Правда само Ливонское королевство существовало скорее в проектах Москвы. Оно должно было вобрать в себя земли, уже захваченные русскими в Ливонии, а также Ригу, Ревель и другие ливонские города, которые предстояло завоевать. Последнего не случилось и Магнус перешел на сторону Речи Посполитой.

После его смерти в 1583 г. Мария Владимировна проживала в Риге на маленькую пенсию, выделенную ей Стефаном Баторием. По иностранным источникам, у королевы Марии было две дочери – Мария (1580–1597) и Евдокия (1581–1589). Изучавший отечественные и зарубежные источники о жизни королевы Марии Д. Цветаев сообщал, что она воспитывала еще двоих приемных детей [Цветаев 1878, с. 70]. Русские источники упоминают только одну дочь – Евдокию. Польская сторона держала Марию фактически под домашним арестом, очевидно строя на ее счет некие планы. В Москве подозревали, что эти планы коснутся судьбы русского престола, и Борису Годунову удалось при посредничестве Джерома Горсея в 1585 г. выманить и тайно увезти рижскую сиделицу с ее дочерью Евдокией на родину. Здесь Марию Владимировну встретили пышно и дали приличное поместье с содержанием. Но в 1588 г. мирская жизнь королевы Марии закончилась. Ее недолюбливала царица Ирина (Годунова) и вскоре вдовствующая королева вынуждена была принять постриг с именем Марфы. Это случилось в расположенной недалеко от Троице-Сергиева монастыря небольшой Подсосенской женской обители. Там 18 мая 1589 г. неожиданно скончалась на девятом году жизни ее дочь Евдокия. В источниках есть подозрения о причастности к ее смерти (отравлению) Бориса Годунова. Сама инокиня Марфа умерла скорее всего в 1612 г.⁵ в Новодевичьем монастыре в Москве. (По крайней мере только до 1612 г. за ней числилось поместье в селе Лежневе с деревнями, выданное ей по ухodu в монастырь по грамоте царя Фёдора Иоанновича в августе 1588 г.)

Таким образом, в 1592 г. единственной потенциальной «соперницей» новорожденной царевны Федосьи Фёдоровны могла быть ее 12-летняя трою-

5. В литературе фигурируют и другие даты – 1597 г. (дата высечена на надгробии Марии Владимировны, захороненной в Троице-Сергиевом монастыре), 1614 г., 1617 г.

родная сестра Мария Магнусовна, затерявшаяся где-то в Ливонии, если, конечно, упоминания о ней не ошибка зарубежных источников.

Стоит сказать, что в Смуту ходил слух (его, в частности, сообщает в своей «Хронике» Конрад Буссов, один из телохранителей Лжедмитрия I), что первый царь-самозванец являлся незаконнорожденным сыном Стефана Батория. Л. Таймасова пытается связать с этим слухом сообщения о приемных детях, воспитываемых в Риге до 1585 г. вдовой Магнуса, предполагая, что приемыши на деле были ее незаконнорожденными отпрысками от короля Стефана Батория. Одним из этих детей и был Лжедмитрий I [Таймасова 2006]. Это очень интригующая версия, но совершенно недоказуемая исходя из наличного на сей день корпуса источников.

Возвратимся, однако, к царевне Федосье. Дядя царевны Борис Годунов стал планировать объявление Федосьи Фёдоровны наследницей престола. Даже начали обработку общественного мнения, вспоминая о правлении древнерусской княгини Ольги и регентстве Елены Глинской. К 1592 г. Борис Годунов уже переиграл всех своих соперников-княжат. Возможное воцарение Федосьи Фёдоровны удовлетворяло как его амбициям, так и амбициям Андрея Щелкалова. Думный дьяк Андрей Щелкалов принял самое активное участие в разработке плана династического брака маленькой Рюриковны.

В 1593 г. он через посла Варкоча секретно начал зондировать Вену и Прагу о возможности приезда в Россию потенциального жениха царевны Федосьи. Предполагалось пригласить принца из рода Габсбургов в возрасте не более 14–18 лет. Он должен был освоить русский язык, принять обычаи и скорее всего перейти в православную веру. Николай Варкоч передавал пассажи думного дьяка: «Наши великие государи на благо христианского мира начали возделывать вместе пашню; Борис Фёдорович, ты и я – страдники и сеятели. Ежели мы усердно будем возделывать землю, Бог нам поможет, чтобы возшло и произрастало то, что мы посеяли» [Скрынников 1979, с. 87–88].

Борис Годунов в качестве опекуна Фёдора Иоанновича стремился восстановить мощь Русского вотчинного государства. Он не только уничтожал своих личных врагов в высшем эшелоне власти, но и пытался выстраивать консенсус со всеми слоями служилого класса – с провинциальными детьми боярскими, столичными дворянами и видными дворянами по разным городам и, конечно, с аристократией как особой и очень важной для занятия высших управленческих должностей социальной группой. Честолюбивые планы и тайные мечты о короне наиболее амбициозных Рюриковичей и Гедиминовичей вели к ссорам в боярстве. Проект возможного династического брачного союза царевны Федосьи Фёдоровны и принца Габсбурга в качестве потенциальных наследников московского трона мог примирить всех. И княжат, потерпевших к началу 1590-х годов поражение, лишившихся вождей и реальной возможности определять курс России, и старомосковских бояр,

к числу которых относились Романовы, двоюродные братья Фёдора Иоанновича, которых бездетная смерть царя автоматически выдвигала бы в число претендентов на трон. Это ссорило бы Романовых и с Ф.И. Мстиславским, и с суздальскими Рюриковичами Шуйскими, и с их давним покровителем Борисом Годуновым, и с другими претендентами на престол из более знатных, чем они, бояр-княжат. Мир в высших сословиях соответствовал интересам приказной бюрократии. Братья Щелкаловы не во всем были согласны с Годуновым. Иностранцы часто позиционировали Андрея Щелкалова в качестве противовеса Борису Годунову, называя этого думного дьяка «канцлером». Но в вопросе создания матримониального союза малолетней Федосьи и принца Габсбурга братья Щелкаловы действовали с Годуновым «за один».

Мнение С.Ф. Платонова о том, что уход Андрея Щелкалова летом 1594 г. со всех постов был его крушением, вызванным недовольством Бориса Годунова рвением думного дьяка в конструировании матримониального союза царевны Федосьи и австрийского принца, выглядит необоснованным. Это противоречит источникам, сообщающим о ходе переговоров, и вытекает из убеждения историка, что уже в 1591–1594 гг. Борис Годунов сам мечтал о шапке Мономаха. Эту версию С.Ф. Платонов почерпнул из «Нового летописца», созданного уже в царствование Михаила Романова (1613–1645), а также других поздних источников, откровенно защищающего интересы Романовых. Куда более убедительной выглядит позиция Р.Г. Скрынникова, который доказывает, что Годунов в 1591–1594 гг. не имел планов самому сесть на трон, а потому Щелкаловы с Годуновым являлись сподвижниками в переговорах с имперской стороной. Неслучайно после ухода Андрея Щелкалова летом 1594 г. должность главного дьяка и хранителя государственной печати отошла его брату Василию [Скрынников 1979, с. 87].

Смерть царевны Федосьи Фёдоровны 25 января 1594 г. сделала русско-имперские переговоры о ее будущем династическом браке бессмысленными. Новых живых наследников у царствующей четы не появилось. Хворающий Фёдор явно шел к могиле, а царица Ирина твердо демонстрировала желание уйти в монастырь по кончине своего мужа. О последнем более всего заботился и царь Фёдор Иоаннович на своем смертном одре в 1598 г.

Персидские источники утверждают, что в 1595 г. у Бориса Годунова появился неведомый прежде в России титул – «царский шурин и правитель, слуга и конюший боярин, и дворовый воевода и содержатель великих государств – царства Казанского и Астраханского» [Памятники 1890, с. 296]. Это свидетельствовало о полноте его реальной власти и уже могло отражать его тайные коронные амбиции. Как опытный политик Борис знал, что в случае кончины царя Фёдора Иоанновича без наследников и ухода его вдовы Ирины в монастырь у него вряд ли есть шанс сохранить не только высокий статус, но скорее всего и собственную жизнь, и безопасность семьи. Спасти правителя

Бориса Годунова могла лишь шапка Мономаха. К концу 1590-х годов его шансы на беспрецедентное прежде дело – занятие престола по выбору Земского собора – были высоки. В отличие от «Нового летописца» и прочих источников XVII в., документы 1590-х годов свидетельствуют о большом авторитете Бориса в дворянстве, купечестве и среди посадских людей. Это подтверждает и история Земского собора 1598 г., когда лишь Боярская дума всерьез пыталась противиться утверждению кандидатуры Годунова. Выборные от прочих сословий готовы были видеть Бориса новым русским царем. Патриарх Иов не забыл роль Годунова в учреждении патриаршества в России в 1589 г. и также стоял за Бориса. Без поддержки церкви у Боярской думы, рода Романовых и прочих претендентов, мечтавших о короне, шансов не было.

* * *

Какой итог можно подвести после рассмотрения династических проектов 1584 – начала 1598 г.?

Мы видим, что государство и высший социальный слой русского общества проявляли явную тенденцию к большей открытости и связи России с западно-европейским миром. Понимание необходимости поднятия престижа России на международной арене было свойственно всем придворным «партиям». Причем некие личные расчеты у всех инициаторов династических проектов сочетались с помыслами как о защите внешнеполитических интересов России, так и о выводе страны из внутреннего кризиса.

Однако и в боярской среде, и в русском обществе в целом продолжала существовать стойкая ментальная оппозиция Западу. Сторонниками реформирования политической системы русского вотчинного государства оказались лишь единицы из аристократов. Они не могли да и не пытались повести за собой другие сословия. Их проекты не вышли за рамки тайных и неосуществимых мечтаний.

Более эффективные попытки вывода страны из кризиса связаны с именем Бориса Годунова, а его тайные и явные международные династические проекты 1584–1598 гг. явились предпосылками и наработками для династических планов царя Бориса Годунова, которые он пытался провести в жизнь в 1598–1605 гг.

Библиография

Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России в 1700 г. и их сочинения. М., 1864. Ч. 1–2. 580 с.

Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов А.И. Тургеневым. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1842. Т. II. 451 с.

Александров С.В. Смоленская осада. 1609–1611. М.: Вече, 2011. 304 с.

- Волков В.А. Войско грозного царя. М.: Прометей, 2016. Т. 1. 322 с.
- Гизен С., Гейс С. Описание путешествия в Москву Николая Варкоча в 1593 году // Прозжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991. С. 140–167.
- Горсей Дж. Записки о России XVI – начало XVII в. М.: МГУ, 1991. 369 с.
- Донесение австрийского посла в Москву в 1589 году // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 96–112.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л.В. Черепнина. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950.
- Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986. 331 с.
- Козляков В.Н. Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М.: Молодая гвардия, 2011. 313 с.
- Морозова Л.Е. Два царя: Фёдор и Борис. Канун Смутного времени. М.: Русское Слово, 2006. 415 с.
- Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб.: Наука, 1992. 279 с.
- Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890. Т. 1: Царствование Фёдора Ивановича. 455 с.
- Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1979. 192 с.
- Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2004. 506 с.
- Таймасова Л.Ю. Трагедия в Угличе. Что произошло 15 мая 1591 года? М.: Омега, 2006. 488 с.
- Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М.: Наука, 1978. 220 с.
- Цветаев Д.В. Мария Владимировна и Магнус Датский // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. № 3. С. 57–86.
- Черникова Т.В. Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 7–27.
- Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса: Типография «Техник», 1912. 399 с.
- Pavlov A. Fedor Ivanovich and Boris Godunov (1584–1605) // The Cambridge History of Russia. Cambridge: Cambridge University press, 2006. Vol. I. From Early Rus to 1689. P. 264–285.

References

- Adelung F. Kritiko-literaturное obozrenie puteshestvennikov po Rossii v 1700 g. i ikh sochineniia [Critical-literary review of travelers across Russia in 1700 and their works]. Moscow, 1864. Iss. 1–2. 580 p. (In Russ.)
- Akty istoricheskie, otrosiashchiesia k Rossii, izvlechennye iz inostrannykh arkhivov A.I. Turgeneyvym [Historical records relating to Russia, extracted from foreign archives by A.I. Turgenev]. Saint-Petersburg: Edward Pratz Printing House, 1842. Vol. II. 451 p. (In Russ.)
- Alexandrov S.V. Smolenskaia osada [Smolensk Siege]. 1609–1611. Moscow: Veche, 2011. 304 p. (In Russ.)
- Chernikova T.V. Vliianie idei Iuriia Krizhanicha na politicheskie nastroeniia moskovskoi elity [Influence of Yuri Krizhanich's ideas on the political moods of the Moscow elite]. Slaviane i Rossiia: slaviane v Moskve. K 870-letiiu so dnia osnovaniiia g. Moskvyy [Slavs and Russia: Slavs in Moscow].

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

To the 870th anniversary from the day of Moscow foundation]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS, 2018. P. 7–27. (In Russ.)

Donesenie avstriiskogo posla v Moskvu v 1589 godu [Report of Austrian Ambassador to Moscow in 1589]. Voprosy istorii [Problems of History]. 1978. N 6. P. 96–112. (In Russ.)

Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV–XVI vv. Podgotovka k pečati L.V. Cherepnina [The spiritual and contractual letters of the great and specific princes of the 14th – 16th centuries. Preparation for printing L.V. Cherepnin]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. (In Russ.)

Florya B.N. Russko-polskie otnosheniia i baltiiskii vopros v kontse XVI – nachale XVII v. [Russian-Polish relations and the Baltic question at the end of the 16th – beginning of the 17th centuries]. Moscow: Nauka, 1978. 220 p. (In Russ.)

Gisen S., Geiss S. Opisanie puteshestviia v Moskvu Nikolaia Varkocha v 1593 godu [Description of Nikolai Varkoch's travel to Moscow in 1593]. Proezzhaia po Moskovii [Passing through Moscow]. Moscow: International Relations, 1991. P. 140–167. (In Russ.)

Gorsej D. Zapiski o Rossii XVI – nachalo XVII v. [Notes about Russia in the XVI – beginning of the XVII century]. Moscow: Moscow State University, 1991. 369 p. (In Russ.)

Kozlyakov V.N. Boris Godunov. Tragediia o dobrom tsare [Boris Godunov. Tragedy about a good tsar]. Moscow: Young Guard, 2011. 313 p. (In Russ.)

Morozova L.E. Dva tsaria: Fedor i Boris. Kanun Smutnogo vremeni [Two tsars: Fedor and Boris. The eve of the Time of Troubles]. Moscow: Russian Word, 2006. 415 p. (In Russ.)

Pamiatniki diplomaticheskikh i torgovykh snoshenii Moskovskoi Rusi s Persiei [Monuments of diplomatic and trade relations between Moscow Russia and Persia]. Saint Petersburg: Yablomsky and Perott Steam Printing Association, 1890. Vol. 1: Reign of Fyodor Ivanovich. 455 p. (In Russ.)

Pavlov A. Fedor Ivanovich and Boris Godunov (1584–1605). The Cambridge History of Russia. Cambridge: Cambridge University press, 2006. Vol. I. From Early Rus to 1689. P. 264–285.

Pavlov A.P. Gosudarev dvor i politicheskaia borba pri Borise Godunove (1584–1605) [Gosudarev yard and political struggle at Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg: Nauka, 1992. 279 p. (In Russ.)

Shpakov A.Y. Gosudarstvo i tserkoh vzaimnykh otnosheniiakh v Moskovskom gosudarstve. Tsarstvovanie Feodora Ivanovicha. Uchrezhdenie patriarshestva v Rossii. [State and the Church in their mutual relations in the Moscow State. The reign of Theodore Ivanovich. Establishment of the Patriarchate in Russia]. Odessa: Printing house «Technician», 1912. 399 p. (In Russ.)

Skrynnikov R.G. Boris Godunov. Moscow: Nauka, 1979. 192 p. (In Russ.)

Stanislavsky A.L. Trudy po istorii Gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov [Works on the history of the State Court in Russia XVI–XVII centuries]. Moscow: RGGU, 2004. 506 p. (In Russ.)

Taimasova L.Y. Tragediia v Ugliche. Chto proizoshlo 15 Maia 1591 goda? [Tragedy in Uglich. What happened on May 15, 1591?]. Moscow: Omega, 2006. 488 p. (In Russ.)

Tsvetaev D.V. Mariia Vladimirovna i Magnus Datskii [Maria Vladimirovna and Magnus Danish]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. [Journal of the Ministry of National Education]. 1878. N 3. P. 57–86. (In Russ.)

Volkov V.A. Voisko groznogo tsaria [The army of the formidable tsar]. Moscow: Prometheus, 2016. T. 1. 322 p. (In Russ.)

Zimin A.A. V kanun groznykh potriasenii [On the eve of terrible shocks]. Moscow: Mysl, 1986. 331 p. (In Russ.)